

Н. А. Михальчук (Могилев)

**СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ И. БРОДСКОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ИНТЕРВЬЮ И БЕСЕД С ПОЭТОМ)**

Антропоцентрическая парадигма лингвистики XX века включает несколько разных, но взаимосвязанных направлений, среди которых выделяется коммуникативная лингвистика, – ее определяет интерес к человеку в ракурсе его процесса коммуникации. В рамках антропоцентрического подхода диктуется необходимость изучения речевой

коммуникации отдельной личности, частных реализаций дискурса, создаются условия для всесторонней оценки языковой личности в пределах индивидуального речевого поведения.

Исследование посвящено отдельным аспектам проблемы изучения языковой личности И. Бродского – рассмотрению реализации принципа вежливости Дж. Лича в устной речи поэта [1], а также выявлению специфики его речевого поведения в текстах бесед и интервью. Устная речь И. Бродского анализируется на материале «Диалогов с Бродским» С. Волкова [2], а также «Большой книги интервью» [3].

К специфическим особенностям речевого поведения И. Бродского относится корректное соблюдение максим одобрения и скромности в рамках принципа вежливости Дж. Лича.

1. Максима одобрения.

Принцип вежливости, сформулированный в 1983 году в работе «Принципы прагматики» британским лингвистом Дж. Личем, относится к сфере речевого этикета и может быть определен как принцип взаиморасположения коммуникантов в рамках речевого акта. Обращает на себя внимание значимость в дискурсе поэта максимы одобрения Дж. Лича, которая гласит: «Своди к минимуму отрицательную оценку других, стремись к максимально положительной оценке других».

Мы разделяем точку зрения Н. А. Бигуновой, которая в качестве объектов одобрения рассматривает неодушевленные предметы, идеи, явления; похвалу трактует как речевой акт, направленный на собеседника либо отсутствующего в коммуникативном пространстве человека, а ее объектом считает качества, умения, поступки, внешность или манеры адресата (явного или отсутствующего) [4].

1.1. Собственно одобрение.

Дискурс И. Бродского характеризуется преобладанием прямых речевых актов одобрения и похвалы над косвенными, последние встречаются в единичных случаях. Ср.: *Если внимательно читать стихи Фроста, то, конечно, за них можно дать Пулитцеровскую премию* (косвенный РА похвалы) [2, с. 131].

Похвала или одобрение могут быть направлены на собеседника, ср.: *Вы, Соломон, задаете замечательные вопросы, но я на них просто затрудняюсь ответить...* [2, с. 45].

В большинстве случаев объектами похвалы выступают третьи лица, причем в дискурсе И. Бродского дифференцируются этические и эстетические оценки. Так, М. Барышников оценивается поэтом как со-

вершено потрясающий человек, человек потрясающего ума и интуиции. Он на меня производил и производит колоссальное впечатление. Причем вовсе не своими качествами танцовщика... А прежде всего – своим совершенно невероятным природным интеллектом [2, с. 236]. Объектом позитивных эстетических оценок в интервью поэта регулярно выступает творчество художников слова различных эпох: Г. Державина, П. Катенина, П. Вяземского, Н. Дмитриева, И. Крылова, В. Набокова, А. Солженицына, М. Цветаевой, А. Ахматовой, Р. Фроста, У. Одена, Н. Заболоцкого, С. Довлатова, А. Кушнера, Е. Рейна, В. Гандельсмана.

Этические и эстетические оценки выражаются адресантом, как правило, с большой степенью интенсивности, с использованием эмоционально-оценочной лексики со значением высокой степени положительной оценки (*замечательный, незаурядный, колоссальный, потрясающий*), лексического повтора, гиперболы (*Для меня Александр Исавич – это совершенно замечательный писатель, чьи книги должны прочесть все триста миллионов людей, проживающих в Советском Союзе* [3, с. 470]). В речевых актах похвалы и одобрения функционируют лексические интенсификаторы (*совершенно, колоссально, чрезвычайно*) и синтаксические – сегментация, восклицательные конструкции, ср.: *А Катенин! Ничего более пронзительного про любовный треугольник нет ни у кого; Цветаева. Она, по-моему, величайшая. Величайшим поэтом двадцатого века была женщина!* [3, с. 45].

1.2. Неосуждение (толерантные высказывания).

Помимо собственно одобрения, в дискурсе поэта представлена интенция неосуждения. Данная интенция реализуется толерантными высказываниями, направленными на явления, которые адресант, исходя из своей системы ценностей, не одобряет, но понимает и принимает. Ср., высказывания о поведении персонала психиатрической больницы: *Обычно серу колют буйным, когда они начинают метаться и скандалить. Но, кроме того, санитарки и медбратья таким образом просто развлекаются. Ну, каждый развлекается как может. А там, в психушке, служить скучно, в конце концов* [2, с. 91]. Толерантные высказывания в сфере художественного творчества: *Северянин – это меня всегда скорее отталкивало, чем привлекало. Но он тоже на своем месте, если говорить о двадцатом веке* [3, с. 349]; *Евтушенко, при всей его монструозности – личной, политической и т. д. – мне все-таки симпатичнее (чем Вознесенский – Н. М.), потому что его язык – это*

все-таки русский язык [3, с. 234]. Значение толерантности усиливается с помощью частицы *все-таки*, вводных конструкций *в конце концов*, *так или иначе* и др.

А. К. Жолковский справедливо утверждает: «Бродского интересуют "альтернативные варианты" поведения, мироощущения, жизни, бытия» [5, с. 272].

1.3. Неодобрение.

Есть в личном и творческом пространстве поэта и зона неприемлемого, и она также включает эстетический и этический уровни оценивания.

В дискурсе Бродского фигурируют сложнооценочные интерпретационные субъективные высказывания, направленные на личность или творчество крупных деятелей искусства и культуры, которым поэт дает резко отрицательные оценки (Об интерпретационных значениях см. М. Я. Гловинская, Ю. Д. Апресян [6], [7]). К таким высказываниям можно отнести следующие речевые акты порицания и критики: *Блока я терпеть не могу* [3, с. 298]; *Некрасов – нет. Никогда... Никаких духовных перспектив у Некрасова не существует. Ни в стихе, ни в эстетике, ни в содержании* [3, с. 350].

Однозначно трактовать подобные высказывания с негативной оценкой весьма сложно. С одной стороны, категоричная речь, как правило, приводит к различным коммуникативным сбоям и неудачам вплоть до полного прекращения речевого контакта; предполагает пренебрежение мнением собеседника, неуважение к его позиции. О. Б. Сиротинина подчеркивает, что в характеристике носителя элитарного типа речевой культуры важное место занимает его отношение «к истинно образцовым текстам, играющим основополагающую роль в данной национальной культуре, составляющим золотой фонд художественной литературы, науки и публицистики» [8, с. 196].

С другой стороны, речевые жанры интервью и беседы предполагают и допускают возможность субъективных оценок. Ряд лингвистов дифференцируют категоричность непродуктивную – неэтикетную, нарушающую принцип кооперации, и продуктивную, способствующую эффективному воздействию на адресата (О. А. Акульшина, М. А. Кормилицына, Е. Ю. Викторова).

На наш взгляд, безапелляционность ряда оценок и мнений является одним из показателей против характеристики Бродского как элитарной языковой личности. Негативнооценочные высказывания, на-

правленные на классиков литературы, наиболее любимых русскими, требуют обязательных маркеров смягчения, не прямой формы выражения.

2. Максима скромности.

В текстах интервью И. Бродский неизменно и последовательно следует максиме скромности Дж. Лича, которая предполагает неприятие похвал в свой адрес, минимум похвал и максимум порицаний говорящего по отношению к самому себе, а также реалистическую самооценку коммуниканта, выступающую одним из условий успешности речевого общения.

Речевым актом самоупрека мы считаем речевой акт упрека, адресатом и адресантом которого является один и тот же человек, посредством которого говорящий выражает неудовлетворение своими поступками или поведением. Речевым актом самокритики считаем речевой акт, выражающий общую отрицательную оценку, даваемую говорящим самому себе.

Ср.: – *Как ты чувствуешь себя после получения Нобелевской премии? – Ничего специфического, качественно нового я не чувствую. Более того, я не чувствую себя нобелевским лауреатом. Чувствую себя просто исчадием ада, как всегда, как всю жизнь...* (прямой РА самокритики) [3, с. 336]; – *И мне хотелось бы спросить вас, великого поэта... – А можно без эпитетов? (косвенный РА неодобрения) – Да, конечно... – Просто – о чем вы хотели спросить...* [3, с. 453]

Коммуникативная установка поэта на самокритику, самоупреки и самоуничижение, значимая в его речевом поведении, находится в непосредственной связи с его философскими взглядами и мировоззренческими принципами, определением себя самого как «кальвиниста» [3, с. 48]

Оценки, выраженные в речевых актах самоупрека и самокритики, в дискурсе Бродского относятся преимущественно к морально-этической сфере. Безапелляционно и принципиально отрицательные оценки собственного творчества в текстах интервью Бродского отсутствуют.

Для лингвистической реализации речевых актов самокритики и самоупрека характерно использование эмоционально-оценочной лексики (*исчадие ада, натворил*), лексических единиц сниженного регистра (*негодяй*), инвективов (*подонок, дрянь*).

На основании анализа этого и других аспектов устной речи И. Бродского можно сделать вывод о том, что поэт приближается

к носителям элитарного типа речевой культуры, но ярким представителем элитарной речевой культуры, по нашему мнению, не является. В пользу этого свидетельствует несоблюдение поэтом ряда базовых принципов речевого общения, например, нарушение принципа некатегоричности. Результаты нашего исследования показывают строгое соблюдение поэтом максим одобрения и скромности в рамках принципа вежливости Дж. Лича.

1. Leech, G. N. *Principles of pragmatics* / G. N. Leech. – New York: Longman, 1983.
2. Волков, С. Диалоги с Иосифом Бродским / С. Волков. – М.: Эксмо, 2002.
3. Бродский, И. Большая книга интервью / И. Бродский. – М.: Захаров, 2000.
4. Бигунова, Н. А. Интеграция положительно-оценочных речевых актов в структуру диалогического дискурса (на материале современного английского языка) / Н. А. Бигунова // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2013. – № 4. – С. 83–92.
5. Жолковский, А. К. Блуждающие сны: Из истории русского модернизма / А. К. Жолковский. – М.: Сов. писатель, 1992.
6. Гловинская, М. Я. Теоретические проблемы видо-временной семантики русского глагола: автореферат дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / М. Я. Гловинская; МГУ имени М. В. Ломоносова. – М., 1986.
7. Апресян, Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006.
8. Сиротинина, О. Б. Все, что нужно знать о русской речи. Пособие для эффективного общения / О. Б. Сиротинина. – М.: Ленанд, 2016.